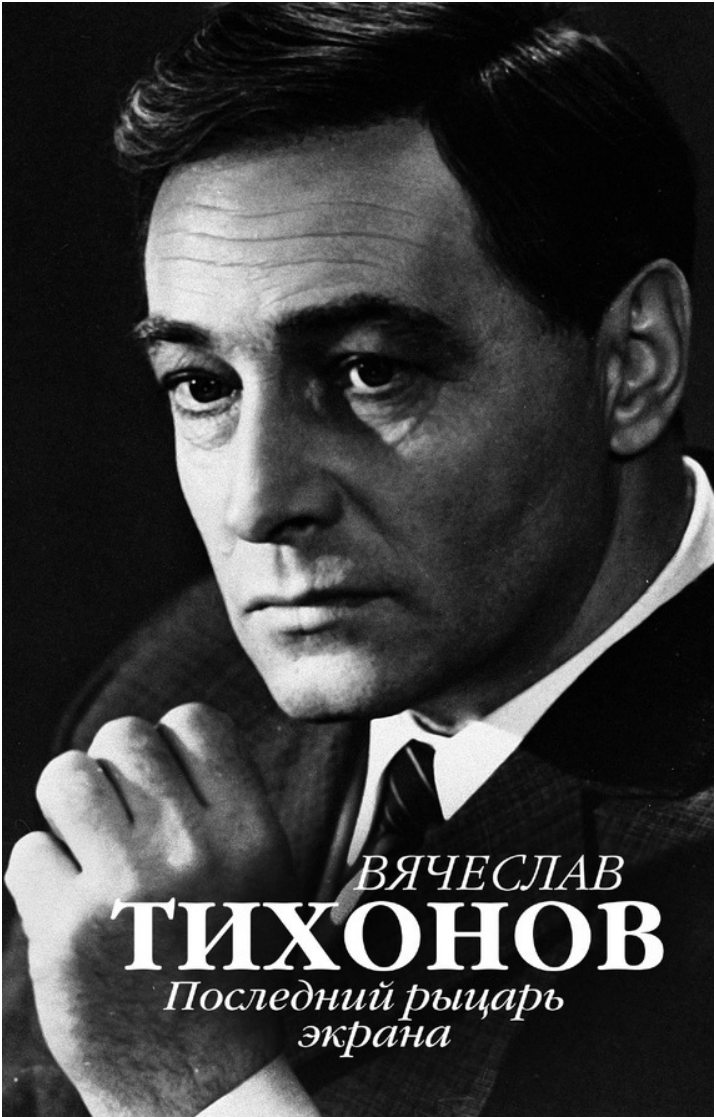

ВЯЧЕСЛАВ ТИХОНОВ

Последний рыцарь экрана

Юрий И. Крылов
Вячеслав Тихонов. Последний рыцарь экрана
Серия «Театральный Олимп»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7234090
Вячеслав Тихонов. Последний рыцарь экрана / авт.-сост. Ю. И. Крылов: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-103377-4

Аннотация

Вячеслав Васильевич Тихонов – выдающийся актер, символ благородства и мужества, настоящий рыцарь советского и российского кинематографа, один из самых узнаваемых и любимых актеров. «Молодая гвардия», «Дело было в Пенькове», «Война и мир», «Доживем до понедельника», «Семнадцать мгновений весны», «Белый Бим Черное ухо»… каждый фильм с его участием имел огромный успех у зрителя. Однако при всех своих многочисленных ролях в кино и театре, активной творческой жизни Вячеслав Васильевич так и остался для зрителей загадкой. В немногих интервью великий актер поведал о своей жизни, семье, ролях в кино и театре, непростом жизненном пути. В воспоминания его родных, друзей, коллег по сцене

он предстает невероятно талантливым актером и удивительным человеком.

Содержание

Человек, рожденный для профессии 5
Вот у меня наколка на руке… 5
Кино – это какой-то заоблачный мир 9
Тихонов – не принят… 13
Это мой багаж на все роли 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Вячеслав Тихонов. Последний рыцарь экрана (автор-составитель Юрий Крылов)

Человек, рожденный для профессии Из интервью Вячеслава Тихонова

Вот у меня наколка на руке…

Когда я играл Болконского, то часто задавал себе вопрос: а мог бы я так же, как он, ежедневно писать с войны письма отцу? Нет, наверное. Все же я воспитывался в рабочей обстановке, меня окружали дети рабочих. Отец мой был механиком по ткацким станкам, а мама – воспитательницей в детском саду. Отец на работе целый день, мать тоже. Нет, бывали, конечно, серьезные разговоры с отцом, но всегда в мягких тонах. И не более чем разговоры…

В маленьком ткацком городке Павловском Посаде, где я

рос, отношения между людьми были очень простые. Нас не столько школа воспитывала, сколько улица. Мальчишеское братство. Вот у меня наколка на руке – это как раз начало войны. Тогда все ходили с наколками – так модно было. Хорошо еще, мне хватило ума наколоть только свое имя, «Слава». Все украшали себя именами первых девочек, а у меня тогда девочки не было – ну и сделал свое. А потом никак не мог это дело вытравить. Пришлось двух князей с этим «украшением» играть. Время такое было… И наколки, и курево – все это следствие безотцовщины. Отцы ушли на фронт, мы, малолетние, остались с матерями одни – тогда и начали покуривать. В ту пору нельзя было не курить, и вообще много чего тогда делали. Отказаться было нельзя, как нельзя было не сделать наколку: не хочешь – значит, чужак. И вот мы ходили по улицам подмосковного городочка и собирали окурки. Даже в самую слякотную погоду подбирали их, сушили, шелушили и потом закручивали в цигарки. В то время взрослые часто ездили на юг за хлебом. Набирали каких-нибудь вещичек, которые можно было обменять на пшеницу, и отправлялись на поезде из нашей средней полосы – в южные края. И мальчишки тоже забирались на крышу вагона. Привозили так называемый турецкий табак – очень крепкий. Помню, попробовал в первый раз – не очень мне понравилось. Но все ребята вокруг с цигарками ходят – и я должен. Только где брать табак? Тогда мы изобрели такой способ: делили улицу на двоих, каждый шел по своей стороне и собирал

чинарики. Набрав гору заплеванных, раскисших под снегом чинариков, мы шли в наш штаб. Штабом мы называли дом, где жили два брата-сироты. Там затапливали русскую печь, расшелушивали все наше богатство на сковородку, сушили табак, а потом крутили цигарки.

Когда отец вернулся с войны, он сразу почувствовал, что от меня пахнет табачком. «Покуриваешь, сынок?» – он спросил. Ну а что я мог ему ответить? Молчал. Время такое: мальчишескому уставу нужно было соответствовать. Существовал и своеобразный кодекс чести: за одно тебя уважали, а за другое могли нещадно покарать. Драк было не так уж много – мы свою смелость иначе проверяли. Например, залезть ночью в чужой сад за яблоками. Причем у каждого был свой сад, где такими же яблоками можно наесться до отвала. Но какой же в этом интерес? И вот, бывало, летом спим мы, мальчишки, вповалку во дворе, кто-то травит байки, а потом возникает идея: айда за яблоками! Естественно, выбирали самый опасный сад – где высокий забор, злая овчарка, сторож с ружьем, заряженным солью. Яблоки из этого сада – самые вкусные. Заставить себя залезть именно туда – в этом было и озорство, и смелость, и мальчишеское желание не отстать от других.

Помню, однажды мы с ребятами не нашли, чем занять себя, и я взял из дому духовое ружье. Пошли ватагой к Клязьме. Идем по тропке, смотрю: на березе стая воробьев. Сидят себе, весело чирикают. Я вроде и несильно целился, просто

взял и стрельнул в центр стаи. И оттуда, сверху, прямо мне под ноги свалился маленький воробышек. Крылышки опущены, на боку перья взъерошены. Капелька крови на клювике… Я гляжу на него сверху вниз и думаю: «Зачем?» Так жалко стало. И стыдно. Я не охотник и никогда им не был…

В школе мне очень нравились математика и физика и я любил ковыряться в машинках, – мне хотелось что-то машинное, – мой дед был машинистом, водил длиннющие поезда по Нижегородской ветке, не пил и не курил, был до чрезвычайности строг, но все его любили. Настольной книгой у него был роман «Война и мир» Льва Толстого. Вечером за чаем дед зажигал керосиновую лампу и читал вслух «Войну и мир». Если ему было что-то непонятно, он задавал вопросы мне.

Кино – это какой-то заоблачный мир

Когда началась война, мне только исполнилось тринадцать лет и, конечно, о школе на время пришлось забыть. Меня взяли в ремесленное училище и поставили к станку. Работал токарем по металлу. Через некоторое время я потерял зрение – ничего не видел. И тогда мама привела меня к врачу, он осмотрел мои глаза и сказал: «О-о-о, ваш сын слишком честно выполнял свою работу. Он запорошил глаза металлической стружкой». Этот врач вернул мне зрение с помощью тоненького, острого предмета – видимо, намагниченного. Он очень аккуратно вытаскивал из глаз каждую пылинку, каждую соринку.

Когда немцев отогнали от Москвы, нас вернули в школу, и в сорок пятом году встал вопрос – кем быть? Многие мальчишки еще раньше ушли на производство, потому что отцы были на фронте и надо было помогать семьям. Нас оставалось в классе всего четверо – остальные девочки.

Что такое кино, я тогда и не задумывался, вернее, задумывался, но с родителями это не обсуждал. Да и что было обсуждать? Кино – это какой-то заоблачный мир. Я даже толком не представлял, как становятся актерами, где этому учат. Поехал в Москву поступать в автомеханический институт, а сам часами бродил около «Мосфильма» – тянуло туда любопытство, а может быть, это была интуиция. Меня, естествен-

но, не пускали дальше проходной. «Ты чего здесь слоняешься?» – спросил кто-то из выходивших. Мне рассказали про ВГИК, и я решил поступать. Споры в семье были громкие, доходило до слез – не помню, моих или маминых. И вот в один из вечеров разгорелся очередной спор о том, куда мне идти. Отец гнул свое: «Никакого кино – ты должен заниматься техникой, как я». А мама говорила: «Ты должен получить профессию, с которой легче будет жить в смысле продуктов, поэтому поступай в Тимирязевскую сельхозакадемию». Чисто женская логика. Я понимал, что родители хотели как лучше, но уступать не собирался. И вот на этот шум вышла моя бабушка – глава нашего дома, очень мудрая женщина невероятной доброты. Если есть во мне доброта, то она от нее. А если есть строгость – это от деда. Так вот, вышла моя бабушка, сама доброта и, обращаясь к маме, сказала: «Валя, не запрещайте Славику идти туда, куда он хочет. Он еще молодой. Сам не раз может свое решение изменить. Но если вы ему сегодня запретите – он всю жизнь будет считать, что вы ему помешали…» Сказала эти мудрые слова и тихо ушла обратно в свою комнату. После этого я с молчаливого родительского согласия стал сдавать экзамены во ВГИК.

Однако ошибаетесь, если думаете, что я пошел в артисты потому, что хлебом меня не корми – дай только перед публикой покрасоваться. Просто в то время ни телевидения не было, ни интернета – только кинокартины: вот и заразился кинематографом… Честно говоря, даже в зеркало не любил

никогда смотреть: ни раньше, ни тем более сейчас – всегда считал, что надо заглядывать внутрь, вглубь, пытаться понять, как на душе отражается то, что происходит вокруг.

Вообще я очень стеснялся выходить на сцену. Я даже в школьной самодеятельности не участвовал. И если вдруг нужно было что-нибудь прочитать или спеть – я боялся этого как огня. Но я был покорен кино. Наши фильмы тянули меня в тот сказочный мир, который был мне недоступен. Я ребенок предвоенного и военного поколения, и надо вспомнить, что в то время шли замечательные фильмы с нашими великими актерами, такими как Петр Алейников, Борис Бабочкин, Марк Бернес, Черкасов, Чирков, Крючков. Тогда не было телевидения, и единственным окошечком в мир прекрасного был кинематограф. В Павловский Посад иногда привозили фильмы, и мы, мальчишки, с упоением смотрели их по нескольку раз. Как они нас притягивали! Как завораживали эти удивительные актеры, которые, в общем-то, и «позвали» меня со временем в свой мир. Мне было безумно интересно, как это все происходит, где, почему. Но сказать о своих мечтах я никому не мог, поэтому во мне все это зрело тайно.

Первый поход в кино помню только эмоционально. Я был маленький, сидел на коленях у отца. Показывали тогда «Груню Корнакову» – первый советский цветной фильм. Я ни черта не понимал, что там на экране происходило. Помню только, финал был грустный-грустный. И это чувство грусти в душе сохранилось до сих пор, хотя «Груня Корнакова»

на мой выбор профессии никак не повлияла. Другие фильмы волновали мое воображение – «Чапаев», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта». А позже – «Большая жизнь» с Андреевым, «Два бойца» с Бернесом. Вот они были моими кумирами, на них я хотел походить.

Тихонов – не принят…

Да, поехали мы с ребятами в Москву поступать в автомеханический институт, и там я как-то неожиданно для себя вдруг оказался у входа в киностудию «Мосфильм». На студию нас, конечно, не пропустили, но рассказали, что есть такой ВГИК и там учат на киноактеров. Помчался я во ВГИК. В тот год набирали курс Ольга Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибиков. Подал документы, но в списке принятых меня тогда не оказалось, как будто кто-то сказал: «Нефотогеничен».

Прямо скажу – сразу меня не приняли, потому что я не был подготовлен, было только огромное желание, но после второго тура я слетел. Я до сих пор остро помню это. Вышла девушка и стала быстро, скучным, безликим голосом зачитывать фамилии: «принят» и «не принят». «Тихонов – не принят». Легко так, «Тихонов – не принят». И все поплыло, рассыпалось, я только тогда понял, как на самом деле хотел сюда, как надеялся, как все остальное было второстепенным. В итоге меня все-таки взяли на испытательный семестр, на полгода. Просто не хватало мальчиков на актерском факультете – 1946 год… Нужно было самим сделать этюд. Мы с Сережей Гурзо начали делать «Обломова» – он был Захаром, я Ильей Ильичом. И по итогам этого семестра меня зачислили.

С нашим курсом занимались Ольга Пыжова и Борис Би-

биков – потрясающие педагоги, мхатовцы. Их я считаю своими истинными учителями. Они были мужем и женой, оба учились у Станиславского и Немировича-Данченко и вместе вели курсы во ВГИКе и в ГИТИСе одновременно. Их театральная школа, очень строгая, была нам, будущим артистам кино, на пользу. Лично мне, во всяком случае. Так что их я считаю своими учителями. А что касается Сергея Аполлинарьевича Герасимова – он на втором-третьем курсе взял для своего спектакля, а затем и фильма несколько наших человек – Нонну Мордюкову, Сережу Гурзо, Володю Иванова, Тамару Носову и меня. Все остальные исполнители ролей были учениками Герасимова, и «Молодая гвардия» стала их дипломом. Это и Сергей Бондарчук, и Инна Макарова, и Клара Лучко, и Женя Моргунов, и Муза Крепкогорская – господи, не забыть бы кого!

Это мой багаж на все роли

Я думаю, что успех как фильма, так и спектакля был связан с тем, что мы сами были тогда ровесниками наших героев. Мы, видимо, поступили бы в то время так же, как поступили молодогвардейцы, заплатив собственными жизнями.

На съемках в Краснодоне мы жили в семьях своих героев. Я жил в скромном домике Володи Осьмухина. У него осталась мама и сестра Люся. Они мне рассказывали о Володе, показывали его комнату, недостроенный детекторный приемник на больших лампах. Володя Осьмухин погиб, брошенный с остальными в шурф и засыпанный породой. Долго потом, как рассказывали местные жители, оттуда слышались стоны ребят, которые медленно и мучительно умирали. Когда извлекли трупы, с тем чтобы предать их земле по-человечески, то обнаружили следы страшных пыток. В косы Ульяны Громовой была вплетена проволока, за которую ее подвешивали. Что они хотели узнать от этих юных ребят и девчат?.. Страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.